

Молодой Грифон

В жизни, раньше или позднее, ты столкнёшься с ощущением нежеланности. Когда-нибудь, в каком-то месте, каким-то человеком. Вполне естественно, что человек не может угодить каждой душе на небесах и земле. Даже такой человек как я.

Особенно такой человек как я.

Это было осязаемое ощущение, что-то, что можно было почувствовать, если бы у тебя было чувство для этого. Бесформенное лезвие, которое может проскользнуть между твоих рёбер вместе с улыбкой и приятной беседой. Человечество было бесконечно сложным. Наши маленькие взаимодействия друг с другом были такими же. Мне не нужно было говорить человеку, что я его ненавижу, чтобы он это понял. Мне даже не нужно было ударять его. Я мог сделать это взглядом.

Выражение презрения было искусством, которым каждый Молодой Аристократ овладевал в раннем возрасте. Я, как гений в этом искусстве, обладал острым чутьём на презрение других. Я знал, когда меня не хотели видеть. Я знал, когда кто-то пытался скрыть от меня этот факт. Но когда мы с Солом пробирались сквозь толпы скорбящих горожан, я заметил явное отсутствие нежелания.

Большинство не обращало на нас внимания, пока мы проходили мимо них, мои Розовые Пальцы Зари были подняты, как один из бесчисленных факелов, собравшихся на городской агоре. Те глаза, которые всё же обратили на нас внимание, задержались, но это было вполне логично. Сол шёл сквозь толпу, словно на войну, с бурей в глазах – и неважно, что он всегда был таким.

А я был собой.

Привлечение внимания было естественным, но отсутствие презрения было удивительным. Неприветливости, которую я ожидал, не было, и это кое-что говорило мне о человеке, который умер.

Я соединил точки сразу после того, как это сделал Сол. Город-святилище Олимпия выглядел так, словно на него обрушился ураган. Но в доках не было никаких признаков этого, а они пострадали бы больше всего. Другая возможность – работа культиватора, но это было ещё менее вероятно. Нанести удар по Олимпии означало нанести удар в самое сердце свободного Средиземноморья. На земле не было ни одной собачьей нации, у которой хватило бы смелости сделать это.

Но если культиватор, о котором идёт речь, не был захватчиком? Если он находился внутри города-святилища, когда наносил удар, и его атака вовсе не была атакой?

Предсмертный вздох любого человека может всколыхнуть сердца его семьи. Возможно, он даже может разворошить муравейник. А предсмертный вздох Тирана может всколыхнуть сердца целого города.

И сравнять его с землёй.

— Легко забыть. — Проскользнув мимо пары плачущих женщин в пурпурных одеждах, я отметил идеальное притворство их рыданий. Их кожа блестела в свете факелов. — Несмотря на

всю их силу и влияние, на все города, которые они разворошили на своём пути. Даже тираны когда-нибудь умирают.

— Так всегда, — пробормотал Сол.

Я бросил на него вопросительный взгляд, но он только покачал головой, нахмурившись.

— Нам нужна информация, — сказал он вместо этого, сканируя толпу. Его взгляд остановился на толпе мужчин с молодыми чертами лица и седыми бородами, разговаривающих друг с другом. Их факелы освещали богато украшенные туники, сверкающие кольца и нарукавные повязки.

Я поймал его за руку, когда он направился в их сторону. Сол оглянулся на меня, раздражённый.

— Это не те люди, с которыми мы хотим поговорить, — объяснил я, подняв бровь. — Разве ты не заметил? Здесь, на окраинах, нет никого, кого стоило бы слушать.

Несколько голов повернулись в мою сторону, уродливые взгляды и шёпот угроз. Некоторые из этих уродливых взглядов угасли, как только они взглянули на меня. Граждане, независимо от того, насколько они богаты или уважаемы, знали, что не имеют права даже смотреть неблагоприятно на адепта великого тайного культа. Их одежда и украшения были лучше моих, но потрёпанный наряд культиватора всегда будет стоить дороже лучших шелков горожанина.

Толпа тщеславных стариков и рыдающих сестёр, мимо которых я прошёл, отражались в тысяче лиц, в тысяче разных стилей. Умер важный человек, и каждый способный человек в Олимпии, у которого было две драхмы, пришёл, чтобы занять своё место в этом зрелище. Как мухи, роящиеся на трупе льва. Таков был порядок вещей.

— Мы можем получить больше, чем мухи, — сказал я ему, ткнув розовым пальцем в оскалившегося человека, в котором было больше злобы, чем здравого смысла. Он выругался и отшатнулся назад от летящих угольков моей пневмы. — Если ты хочешь поговорить с падальщиками, найди себе хотя бы Ворóну.

— Культиватор или нет, не имеет значение, — сказал Сол, отмахнувшись от меня. — Я лишь хочу знать, во что мы ввязались.

Он прошёл к группе молодых седобородых людей. Толпа естественно расступилась вокруг него, когда он шёл. Это было слабым чувством, почти заглушенным давлением стольких разных душ, но теперь я мог почувствовать его бесформенную ауру, которая вызывала это, тогда как раньше я мог только предполагать это. Одно из преимуществ моего нового положения.

Я терпеливо ждал, пока он говорил со стариками. Судя по всему, они были очень рады поделиться своими мыслями.

— Тебе не следует разгуливать сегодня в таком виде, юноша. Это неуважительно. — Я моргнул, глядя на пожилую женщину. Она выглядела на свой возраст: белоснежные волосы и морщинистая, обветренная кожа. Вокруг её глаз были морщины от смеха, хотя сейчас она хмурилась.

Я наклонил голову: «Разве я спрашивал твоё мнение?»

Её пневма поднялась и, подобно змее и ударила меня по руке. Она ударила меня своей душой. Это было жалкое зрелище, вызванное как отсутствием настоящего жара, так и разницей в нашем положении. Несмотря на свои годы, она всё ещё была только в Гражданском царстве. Как ни странно, её, похоже, это не волновало. Я напряг мою пневму. Она усмехнулась.

— Грубый мальчишка, — сказала она, снимая одну из нескольких вышитых шалей, накинутых на плечи. — Ну и что, что ты сильнее старухи. Я бы предложила тебе лавр, но у тебя уже есть два. — Она настойчиво прижала чистую белую шаль с тонкой золотой вышивкой к моей обнажённой груди. — Надень это. Это похороны, а не баня.

Я рассмотрел шаль: «Это не совсем мой стиль», — сказала я ей. Она хмыкнула, стянула с плеч ещё несколько, каждая другого цвета, и нетерпеливо протянула их мне.

— Быстрее, возьми одну. Ты сильный юноша, конечно, ты можешь выбрать себе одежду без помощи матери?

— У меня нет матери, — сообщил я ей.

— Это многое объясняет. — Она прищурилась в слабом свете факелов и моих розовых пальцев. Затем, кивнув один раз, она взяла бело-золотую шаль из моих рук. Она заменила её на полностью золотую, хотя и на тон темнее, чем вышивка на первой. — Это тебе очень пойдёт. Ты будешь выглядеть презентабельно, хотя я ничего не могу сделать с этим надменным лицом.

— Ты довольно дерзкая старуха, — сказала я, с весельем. Шаль, которая почти касалась земли, когда она её надевала, была только достаточно большой, чтобы прикрыть мой торс. Материал был лёгким и приятным на коже, и он легко расходился, когда я провёл руками. — Полагаю, я буду носить это. Что я тебе должен?

— Немного уважения, — сказала она, потянувшись и крепко похлопав меня по щеке. — Вы, мальчишки, всегда забываете, что этот мир больше, чем один человек. Сегодняшний вечер — достаточное тому доказательство. Меньше волнуйся о положении и прочей ерунде, и больше о своих манерах. Они тоже являются добродетелью, знаешь ли.

С этими словами она скрылась в толпе. Я смотрел, как она уходит.

— Ты был прав, — кисло признал Сол, когда троица молодых горожан рассеянно отошли с его пути. — Всё, что они знают, это то, что культиватор умер. У них не было ничего толкового, чтобы сказать.

Я хмыкнул: «Нет, думаю, я тоже был неправ».

Сол оглядел меня с ног до головы. Несомненно, любясь моей новой шалью: «Кого ты ограбил ради этого?»

— Старуху.

— Нет, серьёзно.

Я слабо ухмыльнулся, продвигаясь глубже в толпу.

Каждый этап культивации был открытием глаз. Гражданское Царство было первым

восхождением, где культиваторы изначально учились чувствовать свою пневму и пневму других. Это было грубое чувство, разумеется. Мой отец описывал его как слепой человек, сующий руку в огонь, чтобы понять, что он горячий. Оно не допускало нюансов. Хотя, когда я спрашивал, каких нюансов мне не хватает, отец лишь отмахивался от меня и отсылал к моим занятиям.

Переход в Софическое Царство принёс несколько преимуществ, и одним из них была новая глубина восприятия. Я не замечал этого в те дни, что мы с Солом провели в одиночестве на Эосе. Я почувствовал первый намёк на это, когда мы совершили налёт на пиратское судно, но тогда я не смог полностью осознать это. Только здесь, в этой многотысячной толпе, я не мог не увидеть.

Пневма, которую я ощущал в воздухе, имела новое измерение. Раньше, будучи культиватором Гражданского Царства, я мог ощущать количество пневмы культиватора и не более того. Может быть, интенсивность. Теперь же я чувствовал... вихри.

Подобно приливам и отливам, я чувствовал касание вихрящегося ветра, когда пневма окружающих реагировала на мою собственную. Это была пассивная, безобидная вещь. Граждане расступались вокруг меня, когда я продвигался глубже в толпу, но их пневма двигалась первой. Ещё до того, как они заметили меня, я почувствовал, как их пневма реагирует на мою, уклоняясь от неё.

Когда дело дошло до Сола, был дополнительный слой. Граждане двигались только после того, как замечали меня, не обращая внимания на завихрения моей души, но для Сола это было иначе. Мужчины и женщины бессознательно уходили с его пути, шагая синхронно со своей пневмой, когда она уклонялась.

Я заметил это с самого начала, то, как люди тяготели к нему и от него без всякого сознательного намерения. Теперь я мог видеть пульсацию этого бесформенного качества в движении.

— Я думаю, — сказал я, прослеживая вихри нескольких душ, разбросанных вокруг нас. Продвинутые культиваторы из Гражданского Царства и несколько из Софического. — Всегда ли я буду чувствовать себя таким слепым?

Я всегда умел различать Гражданское и Софическое царства, и я ожидал, что моё Софическое восприятие будет простым усовершенствованием этого. Вместо этого я заметил, что из двух продвинутых культиваторов справа от меня — один был на восьмом ранге Гражданского Царства, а другой на третьем Софического Царства — пневма младшего культиватора имела большее присутствие. Она выпускала волны жизненной энергии более агрессивно, чем пневма Софического культиватора, несмотря на пропасть между ними. У меня было несколько идей, почему, но это всё чем они были. Идеями.

Я видел больше, чем когда-либо прежде, но чувствовал себя в два раза более слепым.

— Мой наставник говорил мне, что ни один человек ничего по-настоящему не знает, — задумчиво произнёс Сол. — Все его годы обучения только прояснили для него этот факт. Может быть, это то же самое.

— Может быть, именно поэтому у всех богов пустые лица, — размышлял я, лишь наполовину ссутя. — Они самые слепые из нас всех.

— Как глубоко, — каркнула Ворона. Пневма Героического культиватора надавила на мою, как прилив, побуждая меня отступить. Я задумчиво наблюдал, как она разбивается, словно волны о скалы.

Он был молод, не намного старше нас, если я правильно оценил. Сколько в этом было истинной молодости, а сколько — благом культивации, всегда было броском монеты, особенно в высших царствах, но я был уверен, что это было первое. Это было видно по тому, как он себя вёл. Когда он пробирался к нам сквозь толпу, он двигался так же, как Николас в дни, предшествовавшие его свадьбе. Осторожно, как будто люди вокруг него были сделаны из яичной скорлупы.

Он не привык к своему новому положению. Новоиспечённый герой, его контроль над собственной силой всё ещё был неустойчивым. Сол бросил на меня предупреждающий взгляд. В каком-то смысле новоиспечённый герой был опаснее таких людей, как мои дяди. Для младших, по крайней мере.

Они не умели сдерживаться.

Героический культиватор встал перед нами, преграждая наш путь вглубь агоры. Он был немного ниже нас обоих, но это не мешало ему смотреть на нас сверху вниз. Это было бы так же забавно, как когда это делал Херон, если бы не тяжесть его присутствия. Разницу в целое царство не так-то легко игнорировать.

— Я восхищаюсь вашей преданностью, культивировать добродетель даже здесь, когда Олимпия собралась на траур, — сказал он, давая понять, что это не так. — Но есть время и место для растяжки новых мышц. И сейчас не это время или место.

— Извинения, друг, — легко сказал я. — Трудно сказать, где заканчивается симпозиум и начинаются похороны.

Выражение лица героя потемнело, он смотрел мимо нас на массу сплетничающих горожан и мелких философов. Что-то в его пневме пульсировало, настойчивее давя на окружающих. Интересно.

— Как ни стыдно, но я не могу с этим не согласиться, — признал он. Тёмно-карие глаза вспыхнули, когда он снова повернулся к нам. — Умер человек, и большинство людей здесь даже не знают его имени. Они просто знают, что он был могущественным, и этого достаточно, чтобы они показались. Они даже не могут толком притвориться, что им не всё равно.

— Что за собаки приходят на похороны незнакомца без приглашения? — спросил Сол без намёка на иронию. Героический культиватор с минуту изучал нас обоих. Я старательно не улыбался.

— Ты будешь удивлён, — наконец сказал он, его поза расслабилась. Он раздражённо потянул зелёно-серый материал своего культового одеяния, обнажив короткий клинок у бедра, когда оно сдвинулось. — Даже собака может быть преданной. Но эти люди... — Он покачал головой.

— Но это не значит, что мы должны опускаться до их уровня, — твёрдо продолжил он. — Если ты здесь, чтобы скорбеть, то скорби.

— Конечно, — сказал я и закинул руку ему на плечо. Герой напрягся. Сол закрыл глаза, смирившись. — Но скорбеть лучше всего в кругу друзей, не так ли? Если только мои новые

глаза не обманывают меня, похоже, ты здесь один.

— ... Да, — с опаской признал культиватор. Я победно улыбнулся, найдя идеальный баланс между сочувствием и товариществом. В моём периферийном поле зрения Сол выглядел слабо больным.

— Скажи мне, кем он был для тебя?

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3182299>